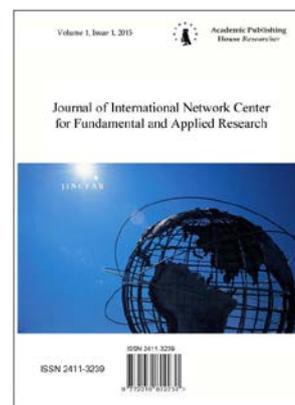

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 10, Is. 4, pp. 170-178, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.10.170
www.ejournal36.com

UDC 93/94

The Nazi Occupation and Collaboration in the Stalingrad region (1942–1943)

Evgeny F. Krinko ^{a,*}

^a Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences,
Institute of Social and Economic Research Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article studies the Nazi occupation of the rural districts of Stalingrad regions during the Great Patriotic War. The author considers the system of administration, emerged there, as well as the main objectives and directions of the invaders policy and its results. Analysing of both published and archival documents, and modern historiography, the author comes to the conclusions about the specificity of the occupation regime in the rural areas of Stalingrad (1942–1943). The study is based on the principles of systematization and historicism that prompted the study of the occupation policy as a phenomenon, in its development and in the context of a specific historical time. The author used the methods of critical analysis of historical and source study, and also the problem-chronological narrative studies. The considerable attention is paid to the collaborationism – cooperation of the Soviet citizens with the enemy, as well as the popular resistance to the invaders.

Keywords: occupation, Stalingrad region, Don Cossacks, collaboration, resistance.

1. Введение

Нацистская оккупация советских территорий относится к наиболее дискуссионным проблемам историографии Великой Отечественной войны. Советские историки, как правило, характеризовали лишь такие вопросы, как террор оккупантов против мирных жителей и советских военнопленных, грабеж захваченных районов, нанесенный им материальный ущерб. В то же время недостаточно внимания уделялось специфике оккупации отдельных областей, системе управления и различным направлениям оккупационной политики, повседневной жизни советского населения на захваченной территории. Все это в полной мере относится и к оккупации сельских районов Сталинградской области.

---

* Corresponding author
E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана на основе как уже ранее опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот исторических источников, извлеченных из фондов двух региональных архивов – Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО) и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Привлекались также историографические источники – публикации последних лет по рассматриваемой проблеме.

2.2. Исследование опирается на принципы системности и историзма, определившие необходимость изучения оккупационной политики как целостного явления, в ее развитии и в контексте определенного исторического времени. Использовались методы критического анализа исторических и источниковедческих источников и проблемно-хронологического изложения.

3. Обсуждение и результаты

В последние годы вышел ряд серьезных исследований, посвященных оккупации советских территорий в целом и политике захватчиков в отдельных регионах, в том числе и на юге страны (Ковалев, 2004; Кринко, 2000; Романько, 2014; Линец, 2009; Krinko, 2014). В данной связи необходимо отметить монографию и кандидатскую диссертацию Т.А. Павловой (Павлова, 2005; Павлова, 2007). Она впервые в отечественной историографии поставила вопрос о трагедии гражданского населения Сталинграда и Сталинградской области в условиях одного из решающих сражений Великой Отечественной войны. Тем не менее, выявление особенностей оккупации сельских районов Сталинградской области по-прежнему остается перспективной исследовательской задачей.

Следует отметить, что еще до начала Великой Отечественной войны нацистское руководство предполагало создать на захваченной территории СССР несколько рейхскомиссариатов. На территории от Азовского моря до АССР Немцев Поволжья планировалось создание рейхскомиссариата Дон-Волга (в немецких официальных документах *Dongebiet* – земли, примыкающие к Дону). Административным центром предполагалось сделать Ростов-на-Дону. На пост рейхскомиссара Альфред Розенберг выдвигал Дитриха Кляггеса, главу правительства Брауншвейга. Затем эти территории было решено включить в состав рейхскомиссариата «Украина» (Загорулько, Юденков, 1990: 118, 123).

Весенне-летняя кампания 1942 г. на южном участке советско-германского фронта вызвала новую волну проектов административных преобразований на захваченных территориях СССР. Министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг в письме Гитлеру 29 июля 1942 г. изложил новый план территориально-политического устройства оккупированных советских областей. В частности, планировалось создать рейхскомиссариат между Украиной, Кавказом и Уралом, включив в него Ростовскую, Сталинградскую, Воронежскую и Саратовскую области. В качестве генерального комиссара Сталинграда предлагался обергруппенфюрер СС С.А. Бенке (Семиряга, 2000: 209–210).

Однако из 74 сельских районов Сталинградской области в 1942 г. противнику удалось захватить лишь небольшую их часть. В справке об оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Сталинграда и Сталинградской области, составленной Сталинградской областной комиссией содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии, указано 16 районов, включая Малодербетовский и Сарпинский, переданные из ликвидированной Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 декабря 1943 г. Калмыцкой АССР. Без них остается 14: Клетский (частично), Сиротинский (частично), Перелазовский, Чернышковский, Тормосиновский, Кагановичский, Нижне-Чирский, Серафимовичский, Котельниковский, Красноармейский (частично), Верхнекурмоярский, Калачевский, Городищенский и Ворошиловский районы (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 2). Этот перечень районов приводится в большинстве публикаций, в том числе в фундаментальном справочном труде, посвященном Сталинградской битве (Сталинградская битва, 2012: 419). Но Т.А. Павлова добавляет к ним еще Черноярский район, ссылаясь на документы архива Управления ФСБ России по Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО) (Павлова, 2005: 298). Однако в указанном деле в ЦДНИВО хранятся другие документы. В справочных

изданиях указывается, что Черноярский район не был в оккупации ([Сталинградская битва, 2012: 666](#)).

Все захваченные районы Сталинградской области были объединены в оккупационный округ, за который отвечал 1-й квартирмейстер штаба 6-й армии фон Верен ([Сталинградская битва, 2012: 419](#)). В 1939 г. здесь проживали 256 тыс. чел., в основном, казаки. К началу войны численность жителей возросла за счет естественного прироста, но в 1941 г. сократилась вследствие мобилизации, отчасти компенсированной прибытием эвакуированных жителей из западных регионов. Исследователи полагают, что всего к началу оккупации в 690 населенных пунктах захваченных противником районов Сталинградской области проживало не менее 150 тыс. чел. ([Павлова, 2005: 291, 301](#)).

Находясь в непосредственной близости от линии фронта, данные районы, как и другие оккупированные территории РСФСР, оказались в военной зоне управления. Здесь не было создано немецкой гражданской оккупационной администрации, вся полнота власти принадлежала немецким (в ряде населенных пунктов – румынским) военным комендатурам. Военные коменданты отвечали не только за традиционный для них круг вопросов – охрану территорий, расквартирование и снабжение войск вермахта и его союзников, обеспечение порядка, выполнение приказов командования. Они также вели контрразведывательную работу по выявлению советских диверсантов и враждебно настроенных к оккупантам лиц, насаждали собственную агентуру, проводили регистрацию населения и его мобилизацию на работы, организовывали сбор оружия и другого имущества, формировали вспомогательную полицию и гражданские административные учреждения, выполняли другие полномочия.

Военные комендатуры контролировали деятельность сельскохозяйственных комендатур, которые подчинялись штабам группы армий «А», 6-й армии вермахта и непосредственно ее 2-му квартирмейстеру ([Сталинградская битва, 2012: 419](#)). Их задачей являлось снабжение войск за счет местных ресурсов, организация сельскохозяйственных работ, хранение сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, сельскохозяйственные комендатуры контролировали работу сельских общин.

В сельских оккупированных районах Сталинградской области также действовало немало германских полицейских, контрразведывательных и других спецслужб. В документах нередко упоминается о создании и деятельности гестапо. В частности, в докладной записке начальника УНКВД по Сталинградской области комиссара госбезопасности 3-го ранга А.И. Воронина указывалось, что в Тормосиновском районе отделение гестапо «начало свою деятельность с ноября 1942 г., т.е. по истечении 4 месяцев со дня оккупации района и подчинялось Н-Чирскому отделу гестапо. За время оккупации района отделение развернуло широкую вербовочную работу, создавая агентурную сеть среди всех слоев населения» ([ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 53](#)). Однако сферой деятельности гестапо (Geheime Staatspolizei – тайной государственной полиции) являлась территория Третьего рейха, поэтому, возможно, в данном случае имеются в виду служба безопасности (СД), ГФП (Geheime Feldpolizei – тайная полевая полиция), полевая жандармерия или какие-то другие германские спецслужбы.

Как правило, через несколько дней после захвата населенного пункта в нем проводились выборы старосты. Там, где избрать старосту не удавалось, он был назначен комендантом. Районную управу возглавлял районный староста или шеф района, городскую – городской староста или бургомистр. Военные коменданты направляли и контролировали работу сельских, районных и городских органов самоуправления, получавших от них инструкции по всем важнейшим вопросам и каждую субботу докладывавших о ходе уборки урожая, обеспечении немецких войск продовольствием и другим вопросам.

Во всех населенных пунктах были сформированы участки вспомогательной полиции. Количество полицейских зависело от численности населения, составляя от нескольких человек в небольших хуторах до десятков человек в крупных станицах и селах. Полицейские носили гражданскую одежду, а их отличительной чертой являлась белая повязка на рукаве. Каждому выдавался документ – свидетельство, подписанное комендантом и старостой. Оружие выдавалось в случае необходимости по специальному разрешению коменданта. Полиция охраняла органы власти и другие объекты, проводила обыски, аресты и облавы, выполняла указания комендантов и старост. Все сотрудники органов власти и полиции

получали фиксированную зарплату: полицейские – 300 руб., начальник полиции – 650 руб., агроном – от 350 до 850 руб. в месяц (Оккупация, 2008: 17).

Оккупанты обычно сохраняли сложившуюся административно-территориальную систему, но при необходимости меняли границы районов, вводя дореволюционные волости. Так, в Ворошиловском (в настоящее время – Октябрьский) районе, включавшем до войны 21 сельский совет, административным центром «была волостная управа в селе Аксай. Во главе ее стоял старшина (...) и два его заместителя. (...) Выборы волостной управы проводились путем насильственного сбора населения румынскими солдатами». В состав волости входили 32 сельские управы (Оккупация, 2008: 22). А Клетский район был разделен на две части, управление которыми находились в Евстратовском хуторе (к нему относились станица Распопинская, Верхне-Саломаковский, Головской, Селивановский и другие хутора) и Сухановском хуторе Кагановичского района (Нижняя и Верхняя Бузиновки, Майоровский, Ерик и другие хутора). В каждой из этих частей была создана сельскохозяйственная комендатура. Крупными центрами управления стали станица Нижне-Чирская, поселок Котельниково и хутор Тормосин. Так, в станице Нижне-Чирской, помимо уже упомянутого отделения гестапо, располагались военная и сельскохозяйственная комендатуры, бюро пропаганды, окружное отделение службы безопасности с отделением на хуторе Дёмкине, комендатура полевой жандармерии, а также управления районного и станичного старост, комендатура районной вспомогательной полиции при полевой жандармерии и станичная полиция (ЦДННВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 19).

В первые же дни оккупации проводилась регистрация населения, в ходе которой выявлялись евреи и коммунисты. Каждый еврей должен был носить на одежде отличительный знак в виде шестиконечной желтой звезды. Приказы коменданта запрещали жителям пускать на квартиру других людей без проверки, укрывать военнопленных и других подозрительных лиц. За нарушение порядка виновным угрожал расстрел. Был установлен строгий пропускной режим: жителям запрещалось перемещаться без разрешения из села в село, для этого требовался специальный пропуск, выдававшийся комендатурой, на расстояние не более 7 км. Время хождения было установлено с 6 ч утра до 6 часов вечера (в другом документе указано с 5 часов утра до 8 часов вечера (Оккупация, 2008: 24)). Лица, задержанные до или после указанного времени или отлучившиеся из населенного пункта без пропуска, считались партизанами и подлежали расстрелу. Расстрелу также подлежали лица, уклонявшиеся от регистрации населения, не сдавшие оружие и не выполнявшие приказы комендантов.

Для населения в возрасте с 16 до 50 лет была установлена трудовая повинность. От нее были освобождены инвалиды 1-й и 2-й групп, женщины с детьми до 5 лет, тяжелобольные, имевшие справки от врача. За отказ от работы следовало суровое наказание, вплоть до расстрела. Трудоспособные жители использовались в сборе оружия, строительстве оборонительных рубежей, ремонте дорог. Для заготовки топлива и других работ широко использовались и эвакуированные, при этом им выдавалось по 400 г хлеба, а их иждивенцам – по 300 г хлеба в день (Оккупация, 2008: 17).

Согласно документам, сельское население было обложено натуральными налогами: «...печеный хлеб, мясо, яйца, молоко, тарелки, ложки, чашки, ножи и вилки, стаканы и стекло и прочее. Хозяин или хозяйка каждый месяц должны были сами приносить все перечисленные виды продуктов в таком количестве, которое требовалось управе. Каждый дом облагался налогом стеклом, кирпичей и домашней утвари: есть четыре окна – два заложки, а из двух стекло принеси в управу. Предприятия совершенно не работали, рынков и базаров не было. Торговля велась не за деньги, а за продукты (нелегальная) – немец приносил хозяйке рыбу, пудру, а она давала яйца и другие продукты» (Оккупация, 2008: 23).

Оккупанты широко пропагандировали роспуск колхозов и передачу земли в частную собственность (ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 2). Но в реальности колхозы в оккупированных районах Сталинградской области продолжали работать, поскольку оккупанты были заинтересованы в стабильности сельскохозяйственных поставок. При этом часть председателей работала в прежних должностях до освобождения области. Населению разъяснялось, что задержка роспуска колхозов является временной мерой в связи с близостью фронта, в более глубоком тылу колхозы распущены, земля и инвентарь розданы крестьянам в личное пользование.

Особое внимание уделялось предотвращению инфекционных заболеваний, в первую очередь, из-за опасений распространения эпидемий среди военнослужащих вермахта. Эти вопросы находились под особым контролем немецких спецслужб, регулярно собиравших сведения об инфекционных заболеваниях в районах. Заболевшие жители «во избежание контактирования их с солдатами и офицерами германской армии», немедленно отправлялись в глубокий тыл ([Сталинградская битва, 2012: 16](#)).

В уже упоминавшейся докладной записке комиссара госбезопасности 3-го ранга А.И. Воронина указывалось, что школы, библиотеки, избы-читальни и другие культурно-просветительские учреждения во время оккупации не работали. Районные и сельские библиотеки в селе Аксай, станице Верхне-Курмоярской и ряде других населенных пунктов были разгромлены, книги выброшены, часть сожжена, а часть унесена жителями. Киноустановки и радиоустановки уничтожены. Газет в оккупированных сельских районах Сталинградской области не издавалось, за исключением выпускавшейся два раза в неделю комендантом села Котельниково газеты «Котельниковская правда» ([ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 31](#)). Однако в станице Нижне-Чирской был открыт кинотеатр. Бюро пропаганды организовало выпуск газеты «Новое время», распространяло «ряд контрреволюционных фашистских брошюр и иллюстрированных журналов», содержание которых было направлено на восхваление «мощи и непобедимости» германской армии ([Оккупация, 2008: 21–22](#)).

Все это свидетельствует о том, что оккупанты стремились привлечь на свою сторону местное население, особенно в казачьих районах. Оккупанты обещали казакам открыть церкви, раздать землю и скот, сделать их «вольным придонским казачеством, как оно жило и раньше» ([ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 7](#)). Поощрялось возрождение религиозных традиций. Летом-осенью 1942 г. в Перелазовском (хутор Верхне-Черенский), Клетском (хутора Евстратовский, Платонов, Головский, Ореховский, Селивановский), Калачевском (село Мариновка, хутор Голубинский), Чернышковском (станция Обливская, Верхне-Гнутов), Тормосиновском (хутора Тормосин, Степано-Разинский) районах по инициативе оккупационных властей и румынских полковых священников открылись молитвенные дома. В Перелазовском районе при крещении детей в роли крестных нередко выступали румынские офицеры ([Мордвинов, 2013: 21](#)).

Следует отметить, что часть антисоветски настроенных жителей, действительно, ожидала прихода оккупантов, надеясь с их помощью восстановить дореволюционные порядки, и не верила сообщениям советской пропаганды об их жестокости. По этой причине они отказывались от эвакуации и пошли на сотрудничество с оккупантами: «...все эти люди в большинстве были те, которые в прошлом, особенно до революции, до колхозного строительства были кулаками, зажиточными, знатными людьми этого казачества. Среди них имелаась и интеллигенция, даже учителя, агрономы и другие профессии» ([ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 7](#)). Некоторые прикладывали немалые усилия, «чтобы устроиться в учреждения оккупационной власти» ([ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 3. Д. 2. Л. 70б.](#)). Кроме того, с войсками вермахта в казачьи станицы «пришли отдельные люди, находившиеся за границей, которые рассчитывали получить здесь громадные наделы земли, инвентарь и прочие средства производства с тем, чтобы здесь стать помещиками. Это было в станице Н. Чирской, в хуторах Демкинском, Б. Солоновском» ([ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 2](#)).

В документах отмечалось: «Одной из особенностей на оккупированной территории Сталинградской области, и особенно в Ворошиловском районе, является то, что немцы не применяли террора к мирному населению и даже ответработникам. Они их или отпускали на нашу территорию, или эвакуировали за Дон, предварительно отобрав партдокументы, или оставляли на своем месте жительства. Немецкая жандармерия стала перевоспитывать (...) мирных жителей». В этих целях предпринимались различные мероприятия, особенно для молодых людей: «Молодежь, особенно комсомольцы, через день должны были являться в жандармерию. В первую явку задавались вопросы: год рождения, замужем ли (...), при вторичной явке – дали задание связать по паре носков и варежек для германо-румынских солдат с исключительной точностью» ([Оккупация, 2008: 23](#)).

Тем не менее, оккупантам не удалось в полной мере добиться своих целей. Об этом свидетельствует возникновение сопротивления захватчикам, создание партизанских отрядов и подпольных групп, саботаж населением решений оккупационных властей

(Дубков, 2004). Вскоре после захвата сельских районов, в конце лета – начале осени были уничтожены евреи, среди которых было немало эвакуированных, а затем начались массовые репрессии и против остальных мирных граждан. Крайне тяжелым было положение советских военнопленных в лагерях на захваченной противником территории.

Провалом обернулась сельскохозяйственная политика оккупантов. Так, из 2700 га в колхозе станицы Клетской было убрано всего 10 га, в Нижней Бузиновке из 1350 га – 300 га, посеяно 85 га ржи, на хуторе Муковнинском из 800 га убрано 60 га, посеяно 40 га. Причины резкого снижения показателей сельскохозяйственного производства во многом объясняются значительным ухудшением его материально-технической базы, сокращением поголовья скота вследствие боевых действий и эвакуации, а также саботажем. Если в Клетском районе до оккупации было 2548 коров, то осталось всего 662, молодняка из 3246 осталось 230 голов, из 11 288 овец и коз осталось 431, из 3298 свиней осталось 214, из 47 012 птиц осталось 3479 (Оккупация, 2008: 15).

Многие немецкие и румынские военнослужащие занялись открытым грабежом населения и имущества учреждений, особенно в конце осени – начале зимы, когда их снабжение резко ухудшилось. В докладной записке Клетского райкома ВЛКСМ о результатах временной фашистской оккупации района говорилось: «Забирали все до детской игрушки, производили массовый грабеж, и в хуторах, откуда не выселялся народ, забирали все, что попадало на глаза. Там, где побывал фашистский сапог, весь народ выгонялся из домов. Колхозники поселились в землянке, а квартиры представлялись для “арийских господ”. Кроме того, из жилых домов строили блиндажи и наблюдательные пункты» (Оккупация, 2008: 15).

Перед отступлением оккупанты сжигали дома мирных граждан и здания учреждений. В результате станица Клетская была разрушена на 85–90 %, Распопинская – на 80–85 %, хутор Логовский – на 100 %. Всего в Клетском районе было разрушено 930 частных домов и 674 дома значительно повреждены, разрушено 150 животноводческих построек, 53 дома, в которых располагались детские ясли, 32 школьных здания, 21 изба-читальня, дом культуры и кинотеатр. Уничтожены 38 школьных библиотек, в которых имелось 23 тыс. томов книг. В районной библиотеке было уничтожено 12 тыс. томов, в педагогической библиотеке – 5 тыс. книг (Оккупация, 2008: 15). С собой отступавшие оккупанты угоняли в тыл местных жителей. При этом лица, сотрудничавшие с противником, опасаясь восстановления советской власти, уходили с ними добровольно.

Общие итоги оккупации сельских районов Сталинградской области представлены в таблицах 1–2, основанных на данных справки Сталинградской областной комиссией содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии.

Таблица 1. Итоги оккупации сельских районов Сталинградской области (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 11. Л. 2)

Районы	Дата начала оккупации	Дата освобождения	Количество актов	Сумма ущерба колхозам (тыс. руб.)
Клетский (частично)	13.07.1942	22.11.1942	34	135 122,5
Сиротинский (частично)	15.07.1942	1.01.1943	19	70 159,0
Перелазовский	22.07.1942	4.12.1942	24	83 249,2
Чернышковский	23.07.1942	2.01.1943	21	109 264,3
Тормосиновский	24.07.1942	1.01.1943	19	87 117,3
Кагановичский	24.07.1942	15.12.1942	35	159 551,9
Нижне-Чирский	26.07.1942	31.12.1942	38	145 295,9
Калачевский	27.07.1942	23.11.1942	38	148 561,0
Серафимовичский	1.08.1942	21.12.1942	34	141 526,6
Котельниковский	2.08.1942	29.12.1942	19	111 785,9
Ворошиловский	4.08.1942	24.11.1942	28	214 911,3
Верхнекурмоярский	5.08.1942	10.01.1943	24	138 173,2

Красноармейский (частично)	10.08.1942	1.01.1943	15	67 623,0
Городищенский	9.09.1942	25.01.1943	24	163 992,3

Таблица 2. Установленные злодеяния, совершенные оккупантами в отношении жителей сельских районов Сталинградской области (ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. зоб.–4)

Районы	Расстреляно, повешено	Случаев насилия	Угнано	Погибло от бомбардировок и обстрелов
Клетский	7	50	8	
Сиротинский	14	74	3327	23
Перелазовский	4	5		
Чернышковский	9	18		
Тормосиновский	57	88		
Кагановичский	2	115		
Нижне-Чирский	301	73	800	
Калачевский	32	23		
Серафимовичский	40	585	5000	
Котельниковский	48	14	125	
Ворошиловский	411	95	36	20
Верхнекурмоярский	22	31	8	
Красноармейский	-	6		
Городищенский	38	38	8379	
Итого:	985	1215	17 683	43

4. Выводы

Таким образом, оккупация сельских районов Сталинградской области летом 1942 – в начале 1943 гг. имела определенные особенности. Они были захвачены во время немецкого наступления в середине июля – начале августа (Городищенский район – в начале сентября) 1942 г. и освобождены в ходе советского контрнаступления в конце ноября – начале января 1943 г. Главной задачей оккупантов являлось обеспечение безопасности немецкого фронтового тыла и организация бесперебойного снабжения войск за счет местных ресурсов. В то же время они стремились активно привлечь к сотрудничеству местных жителей, прежде всего донских казаков, встретив поддержку у части из них. Однако уже сама близость линии фронта, с ее высокой с высокой степенью насыщенности войсками вермахта и их союзниками, а также краткий срок оккупации, составлявший от 3,5 до 5,5 месяцев, лишал перспектив программы нацистских преобразований на принципах «нового порядка». Большинство населения оккупированных сельских районов Сталинградской области воспринимало войска вермахта и его союзников, как захватчиков, и ожидало возвращения Красной армии.

5. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Дубков, 2004 – Дубков В.Н. Непокоренные. Партизанская и подпольная борьба на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. Волгоград: Издатель, 2004. 104 с.

Загорулько, Юденков, 1990 – Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М.: Экономика, 1990. 376 с.

Ковалев, 2004 – Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ., «Транзиткнига», 2004. 483 с.

[Кринко, 2000](#) – Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

[Линец, 2009](#) – Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 492 с.

[Мордвинов, 2013](#) – Мордвинов С.В. Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 годах // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. Вып. 1 (23). С. 21–22.

[Оккупация, 2008](#) – Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. 60 с.

[Павлова, 2005](#) – Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

[Павлова, 2007](#) – Павлова Т.А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. – февраль 1943 г. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2007. 245 с.

[Романько, 2014](#) – Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.

[Семиряга, 2000](#) – Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

[Сталинградская битва, 2012](#) – Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

[ЦДНИВО](#) – Центр документации новейшей истории Волгоградской области.

[Krinko, 2014](#) – Krinko E.F. The Nazi Propaganda in the North Caucasus: the Forms and Methods // Propaganda in the World and Local Conflicts, 2014, Vol. (2), Is. 2, pp. 94-108. DOI: 10.13187/pwlc.2014.2.94

References

[GAVO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [The state archive of Volgograd region].

[Dubkov, 2004](#) – *Dubkov V.N.* (2004). Nepokorennyye. Partizanskaya i podpol'naya bor'ba na territorii Stalingradskoi oblasti v 1942–1943 gg. [The unconquered. Partisan and underground struggle in Stalingrad region in 1942-1943]. Volgograd: Izdatel'. 104 p. [in Russian]

[Zagorul'ko, Yudenkov, 1990](#) – *Zagorul'ko M.M., Yudenkov A.F.* (1990). Krakh plana «Ol'denburg» [The collapse of the plan "Oldenburg"]. 3-e izd. M.: Ekonomika. 376 p. [in Russian]

[Kovalev, 2004](#) – *Kovalev B.N.* (2004). Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944 [The Nazi occupation and the collaboration in Russia. 1941-1944]. M.: AST., «Tranzitkniga». 483 p. [in Russian]

[Krinko, 2000](#) – *Krinko E.F.* (2000). Zhizn' za liniei fronta: Kuban' v okkupatsii (1942–1943) [The life behind the front line: the Kuban in the occupation (1942-1943)]. Maikop: Izd-vo AGU. 242 p. [in Russian]

[Linets, 2009](#) – *Linets S.I.* (2009). Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya, (iyul' 1942 g. – oktyabr' 1943 g.) [The North Caucasus before and during the Nazi occupation: the status and characteristics of the development, (July 1942 – October 1943)]. Pyatigorsk: PGLU. 492 p. [in Russian]

[Mordvinov, 2013](#) – *Mordvinov S.V.* (2013). Pravoslavnoe vozrozhdenie na Nizhnei Volge i Donu v 1942–1943 godakh [The orthodox revival on the Lower Volga and Don in 1942-1943]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* Vyp. 1 (23). pp. 21–22. [in Russian]

[Okkupatsiya, 2008](#) – Okkupatsiya. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalingradskoi bitvy. Dokumenty i materialy iz fondov GU TsDNIVO [Occupation. The civilian population of the city and region in the period of the battle of Stalingrad. Documents and materials from the funds of GU CDNUA]. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008. 60 p. [in Russian]

Pavlova, 2005 – *Pavlova T.A.* (2005). Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoi bitve [The secret tragedy: the civilians in the battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena. 593 p. [in Russian]

Pavlova, 2007 – *Pavlova T.A.* (2007). Grazhdanskoe naselenie Stalingradskoi oblasti v usloviyakh germanskoi okkupatsii: iyul' 1942 g. – fevral' 1943 g. [The civilian population in the Stalingrad region under the German occupation: August 1942 – February 1943]. Diss... kand. ist. nauk. SPb., 2007. 245 p. [in Russian]

Roman'ko, 2014 – *Roman'ko O.V.* (2014). Krym v period nemetskoj okkupatsii. Natsional'nye otnosheniya, kollaboratsionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944 [The Crimea during the German occupation. National relations, collaboration and guerrilla movement. 1941–1944]. M.: Tsentrpoligraf. 414 p. [in Russian]

Semiryaga, 2000 – *Semiryaga M.I.* (2000). Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoj voiny [The collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World war]. M.: ROSSPEN. 863 p. [in Russian]

Stalingradskaya bitva, 2012 – Stalingradskaya bitva. Iyul' 1942 – fevral' 1943 [The Battle of Stalingrad. July 1942 - February 1943]. Entsiklopediya. 5-e izd., ispr. i dop. Volgograd: Izdatel', 2012. 800 p. [in Russian]

TsDNIVO – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti [The documentation center of the recent history of the Volgograd region].

Krinko, 2014 – *Krinko E.F.* (2014). The Nazi Propaganda in the North Caucasus: the Forms and Methods. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. (2), Is. 2, pp. 94-108. DOI: [10.13187/pwlc.2014.2.94](https://doi.org/10.13187/pwlc.2014.2.94)

УДК 93/94

Нацистская оккупация и коллаборационизм в Сталинградской области (1942–1943)

Евгений Федорович Кринко ^а, *

^а Южный научный центр Российской академии наук,
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена особенностям нацистской оккупации сельских районов Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает сложившуюся в них систему управления, основные цели и направления политики захватчиков и ее итоги. На основе анализа уже опубликованных и архивных документов, а также современной историографии автор делает выводы об особенностях оккупации сельских районах Сталинградской области (1942–1943). Исследование опирается на принципы системности и историзма, определившие необходимость изучения оккупационной политики как целостного явления, в ее развитии и в контексте определенного исторического времени. Использовались методы критического анализа исторических и источниковедческих источников и проблемно-хронологического изложения. Значительное внимание уделено коллаборационизму – сотрудничеству советских граждан с противником, а также народному сопротивлению захватчикам.

Ключевые слова: оккупация, Сталинградская область, донское казачество, коллаборационизм, сопротивление.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)